

«Отплатят за наосы богов ей, Ниневию, в стране *Ἰσϛ* ...»: Об исходе бедствий Египта в «Пророчестве ягненка»

И.А. Ладынин (Москва)

В ряде своих предыдущих выступлений и публикаций автор настоящей статьи пришел к выводу о наличии в представлениях египтян Позднего времени своего рода циклической схемы своей истории. Согласно ней, прошлое Египта включало в себя ряд больших периодов (в труде Манефона I-XI, XII-XIX и XX-XXX династии, согласно которым он делится на книги-*томосы*), каждый из которых состоял из фазы исходного благополучия, некоей «точки надлома» (наступавшего по вине царя, обратившего на себя и свою страну гнев богов), катастрофы, приводившей жизнь страны в хаос, и ее возрождения усилиями двух царей – отца, столкнувшегося с решающей фазой бедствий завершающегося цикла и преодолевшего их, и сына, становящегося основоположником вновь начинающейся эпохи (Ладынин, 2008а, с. 44; Ладынин, 2009, с. 165 сл.). Основой данной схемы были представления, восходившие к гораздо более давним порам (вплоть до исхода I Переходного периода и начала Среднего царства, когда создается такое произведение, осмысливающее содержание первой из этих эпох, как «Пророчество Неферти»). В соответствии с ним и, много позднее, со схемой Манефона первый цикл египетской истории завершается фигурой Аменемхета I – Амени «Пророчества Неферти» (pHerm. 1116В. 58) и Амменемеса Манефона (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 31-32a-b), который прекращает бедствия I Переходного периода. Второй цикл открывается фигурой исторического Сенусерта I – Сесонхосиса труда Манефона (id., frgg. 34-36; cf. Schol. Apoll. Rhod. IV. 272-274; 276; 277-278; Hist. Alex. Magni, rec. α'. I. 34. 2); его логическим завершением становится катастрофическое время царя Аменофиса со вторым вторжением в Египет гиксосов в опоре на египетских прокаженных, за которым следует восстановление порядка при самом Аменофисе и/или его сыне Сетосе-Рамесесе (с вариациями в передаче имени последнего; см. цитирование Манефона Иосифом Флавием, коррелирующееся с данными Херемона Александрийского: frg. 54 = Ios. C. Ap. I. 26-31. §§ 227-287; FGrH. 618. F. 1 = Ios. C. Ap. I. 26. § 288-292). Можно показать, что Аменофис Манефона – это синтез ряда реминисценций предамарнского и, может быть, амарнского времени, а также вторжений «народов моря» при Мернептахе; Сетос-Рамесес же – синтезированное отражение Сети I и Рамсеса II, а также Сетнахта и Рамсеса III (в царствование последних был положен конец кризису, связанному с «народами моря»; Ладынин, 2009). Следовательно, второй цикл египетской истории у Манефона должен соответствовать длительному периоду XII-XIX династий. С точки зрения замеченной нами парной конструкции «отец и сын» на стыках исторических циклов наибольшие сложности в интерпретации представляет как раз третий цикл, приходящийся в основном на I тыс. до н.э. Прежде всего, у этого цикла оказывается, по сути, два начала: своего рода фальстарт при уже упомянутом Сетосе-Рамесесе, и реальное начало при зачинателе

ливийской военной государственности в Египте Шешонке I (Сесонхисе, или Сесонхосисе, Манефона и, очевидно, в значительной мере Сесоосисе Диодора: frg. 61; Diod. I. 53-58) –. Финал этого цикла, идеально соответствующий конструкции «отец и сын» обнаруживается в новеллистической версии позднеантичного «Романа об Александре», именно в его египтизирующей части, согласно которой катастрофа чужеземного завоевания (исторического второго персидского владычества 343-332 гг. до н.э.) обрушивается на Египет при Нектанебе [II] и прекращается усилиями Александра, представленного его сыном (Коростовцев 1964; Berg 1973). Понятно, что целью этой фикции было не только оформить важнейший рубеж между эпохой фараонов и египетским эллинизмом согласно историографическому топосу, но и легитимировать власть новых македонских правителей Египта: однако эта версия содержала столь много отступлений от исторической реальности, что не могла быть всерьез подключена к пропаганде на официальном ее уровне. Какой концепт мог стать именно официальным пропагандистским оформлением данного стыка исторических циклов, исходившим от македонской власти дома Птолемеев и ее египетского окружения? Сравнительно недавно, на основании некоторых указаний т.н. «Демотической хроники», описывающей египетскую историю IV в. до н.э. в форме последовательности предсказаний, было выдвинуто предположение, что обетованным в этом тексте благим правителем, приход которого должен окончательно завершить долгую эпоху неурядиц (pBibl. Nat. 215 dem. recto. II/23-III/4, III/7-15), может считаться Птолемей Сотер (Felber, 2002, S. 78-79, 108-109). Это мнение выглядит оправданным с той поправкой, что основателю династии Птолемеев в подобном историческом концепте скорее должна быть отведена роль первого царя нового исторического цикла и устроителя египетского общества (каковым он, во многом, и был в реальности); царем же, завершившим бедствия предшествующего, третьего цикла египетской истории, явным образом должен быть Александр Великий; и это следует не только из чисто логических построений, но и из возможной интерпретации одного из фрагментов той же «Демотической хроники» (Ладынин, 2009, с. 177-178, прим. 14). Однако цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, что еще более явно качество египетского царя, преодолевшего большие бедствия, придается Александру Великому в тексте, известном под названием «Пророчество ягненка».

Сюжет, служащий мизансценой данного текста, был, по-видимому, в позднеегипетской, в том числе в греко-египетской, литературе, что называется, на слуху. Манефон сообщает, что в царствование Бокхориса – второго и последнего царя саисской XXIV династии, казненного Сабаконем (историческим напатским завоевателем Шабакой) «заговорил ягненок» (frgg. 64-65); обратим внимание, что в поврежденном фрагменте Африкана рядом с этим сообщением мы видим цифру «990 лет» (frg. 64: Βοχχώρας Σαίτης, ἔτη σ', ἐφ'οὖ ἀρίον ἐφθέρχεται . . . ἔτη λρ'). Позднеантичный (II-III вв. до н.э.) автор Клавдий Элиан сообщает о том же, добавляя, что этот родившийся при Бокхорисе ягненок был восьминогим, двуххвостым и двухголовым и, стало быть, о четырех рогах (Ael. De nat. anim. XII. 3). Если сведения Элиана выглядят фантастично,

пожалуй, с любой точки зрения (ср., впрочем, с вариантом облика Амона-Ра в образе барана с венцом из четырех перьев: LÄGG I. 320, Dg), то описание трактата Псевдо-Плутарха «Об александрийских пословицах» получает, по крайней мере, довольно понятное соответствие в иконографии египетских божеств: согласно ему, на голове заговорившего ягненка были урей и два страусовых пера в четыре локтя высоты (Ps.Plut. De prov. Alex., ed. Crusius, p. 12, 21), что явно ассоциируется с обликом Амона-Ра (LÄGG I. 320, Db-d). При этом если в исторической традиции Гекатея Абдерского и Диодора царь Бокхорис памятен как благой и мудрый законодатель (Diod. I. 65.1; 79; 94.5), то взгляд на него позднеантичной традиции гораздо менее однозначен: тот же Элиан приписывает ему попытку натравить на священного быка Мневиса другого быка, которая, впрочем, кончилась неудачей (Ael. De nat. anim. XI. 11)¹, а Плутарх говорит о нем как раз как о правителе жестоким, так что богиня Исида была вынуждена послать ему змею, обвинившую его чело и побуждавшую его решать различные дела справедливо (Plut. De vit. pud. 3; очевидно, что здесь мы видим своеобразное переосмысление древней символики урея, к которой мы еще вернемся). Характерно, что, во-первых, все эти поздние сообщения должны иметь египетскую первооснову – как по прослеживаемым в них мотивам, так и поскольку проблематично представить себе заинтересованность самих античных авторов во введении негативных черт в образ Бокхориса; во-вторых, у Диодора мы не видим не только этого «негатива», но и известия о заговорившем при этом Бокхорисе ягненке, хотя, казалось бы, при его яркости, его можно было бы ожидать и у этого автора. Между тем впервые мы его видим у Манефона, причем наличие у Элиана сообщения и об этом и о нечестии Бокхориса позволяет предположить, что эти сведения образуют некий комплекс. По-видимому, стоит учесть, что прототипичный для Диодора труд Гекатея Абдерского датируется 310- гг. до н.э. (Murray, 1970, p. 144) – временем хотя и после македонского завоевания Египта, но еще достаточно ранним для того, чтобы этот рубеж не успел еще подвергнуться осмыслению в рамках сводной схемы египетской истории. По существу, задача подобного осмысления как раз и легла на Манефона; соответственно, если даже не им самим, то во всяком случае именно на его этапе развития египетской историографии Бокхорису могли быть приданы черты некоей знаковой фигуры уже завершившегося третьего исторического цикла. Понять, в чем именно состояла «знаковость» его образа довольно легко: в той совокупности сведений о нем, которая имелаась ко времени поздней античности он оказывается и очень значимой фигурой по своим делам (законодательству), и правителем, уклоняющимся от норм праведности и тем самым навлекающим на Египет бедствия, и, наконец, отчасти современником, отчасти предшественником этих бедствий. В том, что касается последнего, мы уже упоминали о вторжении Сабакона-Шабаки и казни им Бокхориса; однако, несмотря на это, напатская династия должна была

¹ Не стоит ли предположить здесь реализацию какого-то бродячего мотива египетской, возможно, фольклорной традиции, отсылкой к которому может быть известная фраза Синухета в беседе с Амуенши накануне битвы с «силачом страны Речену»: «Бык рвется в бой? Так захочет ли другой воинственный бык обратить тыл из страха помериться с ним?» (пер. И.Г. Лившица; Sin. В 123-124: *in iw k3 mri.f h3 pry mri.f whm s3 m hryt nt mh3.f sw*).

восприниматься в Египте (и воспринималась Манефоном: frgg. 66-67) как своя; настоящим бедствием, которому предстояло обрушиться на Египет, было его грядущее противостояние с великими азиатскими державами, и в этом смысле еще А. Море справедливо обратил внимание, что войны с Ассирией начались сразу после Бокхориса, а, может быть, и еще при нем (Тураев, 1935, т. II, с. 43; ср.: Kitchen, 1986, p. 376, § 336 – о столкновении с Саргоном II современника Бокхориса из царствовавшей в Танисе XXII династии, кончившемся изъявлениями им вассальной покорности). Можно сказать, что обросший всеми этими подробностями образ Бокхориса маркирует в позднеегипетской исторической схеме «надлом» цикла I тыс. до н.э., после которого страна начинает скатываться от благополучия к бедствиям. Наиболее четкой, хотя и чрезвычайно отдаленной по датировке соответствующих текстов аналогией в такого «надлома» в египетской традиции восприятия прошлого будет характеристика начала IV династии в литературных произведениях I Переходного периода – Среднего царства: как известно, согласно «Пророчеству Неферти», уже Снофру были возведены во всех подробностях грядущие бедствия страны, а сказки папируса Весткар фактически описывают «массированные» отступления царя Хуфу от праведности-*маат*, вследствие которых стали неизбежны и смена царского дома и, видимо, наступление пресловутого периода бедствий (см. об этих текстах, напр.: Демидчик, 2005, с. 45, 48, 92).

После этого затянувшегося вступления можно перейти непосредственно к тексту, которому посвящено наше выступление. «Пророчество ягненка» - это демотический текст, сохранившийся в записи на одном из папирусов Австрийской национальной библиотеки, который был обнаружен в Сохнопайю Несос в Фаюме в 1891 г. и вскоре приобретен в составе более обширного собрания эрцгерцогом Райнером (pVindob. dem. 10000; ниже мы ссылаемся на этот источник, не указывая специально его обозначение). На протяжении кон. XIX и XX в. к этому тексту неоднократно обращались исследователи (Krall, 1898; Moret, 1903; Janssen, 1954); в нашей работе мы опираемся на публикацию К.-Т. Цауцигом его транслитерации и перевода, считающуюся на сегодняшний день стандартной (Zauzich, 1983), и недавний перевод Х.-Я. Тиссена, вносящий к этой публикации некоторые важные коррективы (Thissen, 2003). Колофон папируса содержит точную датировку его записи – 8 месоре Года 33 «Цезаря», т.е. Октавиана Августа, как формального царя Египта (Ш.10-11), что соответствует 1 августа 4 г. н.э. (Thissen, 2002, S. 119); кодификация этого текста в римское время только кажется очень поздней – на самом деле, она характерна для многих классических демотических произведений, без сомнения, появившихся много раньше (так, сложение «Эпоса о Петубасте», папирусные списки которого датируются I-II вв. до н.э., принято возводить к перв. пол. III в. до н.э.: Kitchen, 1986, p. 461, n. 163). Начало текста «Пророчества...» утрачено, но можно понять, что некоему египтянину по имени Пасанхор (*P3-s3-n-Hr* – «сын Хора»), очевидно, состоящему при дворе Бокхориса, стала известна некая книга, в которой описывались грядущие бедствия Египта. Первый столбец текста представляет собой, очевидно, пересказ сообщений этой книги – о том, как люди перестанут «говорить истину» (I.16); как произойдет известная со времен

среднеегипетского «Речения Ипувера» инверсия социального порядка, когда «богач станет бедняком» (I.14; cf. pLeid. I.344 *recto*. 7.8-9.1); как нарушится нормальное совершение храмового ритуала (I.17-19 – данный фрагмент сильно разрушен); и, наконец, как на Египет обрушится внешняя опасность, связанная с приходом некоего «мидянина» (I. 22: *p3 Mty*; II. 21: *p3 Md*). Второй столбец текста связан, очевидно, уже с диалогом Пасанхора с пресловутым ягненком, предсказания которого уточнили содержание этой книги: после ряда деталей описание ягненком бедствий Египта завершается упоминаниями депортаций египетской молодежи «в Сирию» (II.14: *r p3 t3 Hr*; cf. II.12) и плача во всех знаменитых египетских городах (II.17-18). Когда ягненок оканчивает свои предсказания, уstraшенный Пасанхор спросил его: «Случится ли это [так], что мы не узнаем об этом заранее?» (II.19-20). В ответ ягненок произнес слова, на которых в основном и сосредоточится наше дальнейшее внимание: «Это будет, когда я стану уреем на челе фараона (*iʿry n d3d3 pr-ʿ3*), который будет по исполнении 900 лет; я усилю Египет. Что до мидянина, который обратил взор к Египту, он удалится в чужеземные страны (*r n3 h3s.t.w r n3y=w*). Истина (*m3ʿ*) выйдет на свет, ложь (*ʿd*) погибнет, закон и порядок (*p3 hp t3 wpy.t*) будут править, оплатят за наосы богов Египта ей, Ниневии, в стране *ʿsr* (*[dit] p3 sw n n n3 g3.w n3 ntr.w Kmy r-r=w r Nnyw3 p3 tš p3 ʿsr*). Будет, что египтяне пойдут в Сирию (*r p3 t3 Hr*), они будут править ею, они найдут там наосы богов Египта (*g3w n3 ntrw Kmy*)» (II.20–III.1). Закончив свое прорицание еще несколькими пассажами, ягненок умер; после этого Пасанхор отправился к фараону Бокхорису, перед которым развернули пресловутую книгу. В ответ на его вопрос, все ли описанное в ней постигнет Египет, Пасанхор сообщил, по-видимому, важнейшее сверх уже известного из книги, что он почерпнул из предсказаний ягненка, - что эти события начнутся раньше, чем Бокхорис умрет (III.8). После этого царь приказывает похоронить ягненка в «золотом алтаре» «подобно богу» (III.9; имеется в виду, очевидно, сходство этого церемониала не с погребением царя, а именно с помещением изображения божества в наос).

«Пророчество ягненка» обнаруживает сходство с другим текстом эллинистического времени, относящимся к жанру «описаний бедствий страны» – грекоязычным, вопреки сугубо египетской специфике своего содержания, «Оракулом горшечника» (Koenen, 1968; 2002; P₂² II.55: ἀπολογία κεραμέως). Мизансцена этого текста отнесена ко времени Аменофиса – очевидно, того царя, при котором Египет, согласно Манефону, был захвачен чужеземцами и прокаженными; в то же время описание в этом тексте грядущих бедствий отнесено не к этим событиям, а к македонскому времени, которое видится его создателям гибельным для Египта. Соответствующие предсказания вложены в уста некоего «горшечника», который разражается ими непосредственно в присутствии царя в храме Исиды и Осириса и, доведя их до конца, как и пресловутый ягненок, умирает. Само именование этого предсказателя «горшечником» не вполне понятно и может представлять собой намек на бога Хнума (Koenen, 1968, S. 184;

² См. расшифровку обозначений, используемых применительно к спискам этого текста: Koenen, 1968, S. 193; Koenen, 2002, S. 139-140, Anm. 4.

Kerkeslager, 1998, p. 68, n. 7) – как известно, бараноголового, что служит дополнительной параллелью к «Пророчеству ягненка». Совсем четкой параллелью между этими двумя текстами считается упоминание в них обоих царей с двумя и пятьюдесятью пятью годами правления (II.5: *pa-t3-2.t, pa-t3-55*; P₂ I.19: *ὁ δὲ τὰ δύο ἔτη*; P₃ III.32: *ὁ δὲ τὰ πεντήκοιτα πέντη ἔτη*); существенно, что в этой связи мы видим в «Оракуле горшечника» прямую отсылку к «Пророчеству ягненка» – указание, что при этих царях исполнится «зло, которое Бахарису (Бохкорису) возвестил ягненок» (P₃ III.34: *τὰ κακὰ ἃ Βαχάρει ἀπήγγειλεν ὁ ἄμνός*; см. эмендации к данному отрывку Л. Кёнена: Koenen, 2002, S. 157, Komm. 52). В этих двух царях исследователи видят, соответственно, Харсиесиса, поднявшего восстание в Верхнем Египте и на некоторое время принявшего царский титул в 131-130 гг. до н.э., и Птолемея VIII Эвергета II, на царствование которого эти события пришли (Thissen, 2002, S. 124-125; Koenen, 2002, S. 156-157, Komm. 50-51); сообразно этому, в «мидяnine» «Пророчества ягненка» считают возможным видеть селевкидского царя Антиоха IV, вторгшегося в Египет во время 6-й Сирийской войны в 168 г. до н.э. и также упоминаемого в «Оракуле горшечника»: P₂ I.16; P₃ I.30; Thissen, 2002, S. 123-124; Koenen, 2002, S. 156, Komm. 48). Наличие в «Оракуле горшечника» этих деталей, при том что описываемые в нем бедствия отнесены непосредственно к современности его создателей, а обетованное избавление от них – к неопределимому будущему, позволило датировать этот текст последней третью II в. до н.э.; их же присутствие в «Пророчестве ягненка», по мнению Х.-Я. Тиссена, должно объясняться либо интерполяцией, изменившей его первоначальный текст, либо, как он считает сам, опять же реальным датировочным признаком, указывающим на исторические условия его возникновения (Thissen, 2002, S. 124-125). Однако если принять эту точку зрения, то получится, что приход царя – спасителя Египта и изгонителя его врагов в «Пророчестве ягненка», как и в «Оракуле горшечника», окажется отнесен в некую перспективу, еще не осуществившуюся на момент оформления этого текста. Между тем это не так, судя по целому ряду реалий, опознаваемых в предсказании об этом царе и позволяющих, на наш взгляд, идентифицировать его достаточно уверенно.

Впервые его идентификация, которую мы постараемся обосновать, была предложена В.В. Струве в его труде о Манефоне: опираясь на сообщение Манефона в передаче Африкана, что при Бокхорисе «ягненок возвестил 990 лет» (см. выше; Струве переводит это сообщение так, с недолжной уверенностью элиминируя имеющуюся в тексте лауну между словами «ягненок заговорил» и указанием временного срока: Струве 2003: 351; frg. 64), Струве высказал мнение, что эти 990 лет должны отсчитываться согласно т.н. «эре Менофтеса» (Струве, 2003, с. 351), т.е. от последнего по времени «апокатастасиса» - совпадения гелиакического восхода *Spdt/Cotisa* (Сириуса) с формальным Новым годом (Берлев, 1999, с. 59): оно имело место в 1322 г. до н.э., т.е., согласно Струве при Сети I, чье «солнечное» имя *Mn-m³t-R^c* должно было дать основу для греческой формы «Менофтес» (*ἀπὸ Μενόφθεως), преобразовавшейся затем в труде позднего автора Феона в «Менофрес» в упоминании «годов по Менофресу»

(τὰ ἀπὸ Μενόφρεως), т.е. летосчисления, связанного с гелиакическим восходом Сотиса (Струве, 2003, с. 199-208). Отсчет 990 лет от 1322 г. до н.э. с завидной точностью приводил к 332 г. до н.э., т.е. дате вступления в Египет Александра Великого, в котором Струве и видел обетованного ягненком при Бокхорисе царя-спасителя. На сегодняшний день аргументация В.В. Струве безнадежно устарела: отсчет царствования Сети I следует начинать не ранее чем с 1305 или 1304 г. до н.э. (при продолжительности его правления до 14-15 лет и вступлении на престол его преемника Рамсеса II в 1290 г. до н.э., согласно т.н. «средней» хронологии Нового царства; в общепринятой сейчас на Западе, но скорее всего неверной «короткой» хронологии Нового царства эта датировка еще ниже: Ладынин, Немировский, 2001, с. 216-217, прим. 9; Beckerath, 1997, S. 118), и это исключает соотнесение с его царствованием «апокатастасиса» 1322 г.; кроме того, как блестяще показал О.Д. Берлев, форма имени «Менофрес» у Феона, скорее всего, соответствует египетскому слову «Мемфисец» (*Mn-nfrw*) – прозвищу Джосера, при котором имел место первый «апокатастасис», т.е., собственно говоря, было введено «летосчисление Сотиса» (Берлев, 1999, с. 59-61). В то же время нельзя не согласиться со здоровой мыслью Струве, что само упоминание в сообщении Манефона точного срока в 990 лет (как и в «Пророчестве ягненка», несомненно, связанного с ним срока в 900 лет) должно иметь ввиду, что этот срок на момент оформления текста уже исполнился: исчисление же этого срока от самого времени предсказаний ягненка, т.е. от царствования Бокхориса (721-717 гг. до н.э.; Beckerath, 1997, S. 93), имеющего у Манефона и, очевидно, вообще в позднеегипетской историографии вполне точную датировку, привело бы нас к неправдоподобному допущению, что исполнение этих предсказаний лежит в перспективе не только для создателей этого текста, но даже для его кодификатора в 4 г. до н.э., причем почему-то не в неопределенном будущем, а в точно датированной его точке, около 180-х или 270-х гг. до н.э. (в зависимости от 900- или 990-летней продолжительности указанного срока).

Вместе с тем, как мы уже сказали, в описании прихода царя-спасителя в «Пророчестве ягненка» содержатся некоторые узнаваемые реалии. Собственно говоря, их можно усмотреть уже в предсказаниях ягненка о грядущих бедствиях Египта, которые, как мы говорили, включают депортации египтян чужеземными завоевателями на чужбину. Насколько известно, среди чужеземных завоевателей Египта подобная акция напрямую, *expressis verbis*, засвидетельствована лишь в словаре Свида применительно к Артаксерксу III (Suida, s. v. ἄσατο; Schwartz, 1949, p. 71), причем мы обращали внимание на данные т.н. Неаполитанской стелы Сематауитефнахта, согласующиеся с этим свидетельством (Urk. II. 3.14-4.5; Ладынин, 2003, с. 158). Демотический хороним *Hr*, относящийся к стране, куда депортировались египтяне, явно восходит к *H3rw* текстов II тыс. до н.э. (АЕО I. Р. 180*-187*) и обозначает Восточное Средиземноморье; так, параллелью содержащего его словосочетания *p3 tš (n) p3 Išr p3 tš (n) n3 Hr* в греческом тексте Канопского декрета является «Сирия и Финикия» (OGIS I. 56. 17: ἔκ τε Συρίας καὶ Φοινίκης; в иероглифическом тексте – словосочетание *m Rtnw i3bt m t3*

n Kftw: Urk. II. 131.7-8; Pfeiffer, 2004, S. 94-95, 97-98), а в иероглифическом тексте «Декрета Рафии» – словосочетание «страна Ред (Сирия, Ретену более ранних текстов – И.Л.) и обе страны Финикии» (стк. 6: *Rd hr t3wy Fnhw*; Gauthier, Sottas, 1925, p. 6, 8; 25-26, comm. 28; 34). Депортация египтян, по крайней мере большей части тех из них, кого вынудили покинуть родную страну, именно в эти сравнительно недалекие районы не вызывает особого удивления³: принципиально, однако, что мы, таким образом, можем, кажется, «привязать» соответствующие предсказания ягненка именно ко второму персидскому владычеству в Египте и кануну македонского завоевания.

Еще больше нам могут сказать слова ягненка о том, что грядущее возмездие врагам Египта оплатит им «за наосы богов Египта» и при этом будет направлено против «Ниневии, в стране *ʾšr*». По-видимому, здесь мы видим аллюзию на такой частый в птолемеевских текстах мотив, как конфискация азиатскими врагами Египта изображений богов и иной храмовой утвари; такие акции, судя по всему, действительно практиковалась персами при подавлении египетского восстания 480-х гг. до н.э. и опять же при завоевании Египта Артаксерксом III (Ладынин, 2002, с. 210-214), и, следовательно, появление этого мотива, как и упоминание до того депортаций, не расходится с тем, что главным врагом Египта в «Пророчестве ягненка» представлен именно «мидянин». Как, в таком случае, трактовать упоминание в качестве главного «адресата» возмездия, причитающегося персам, именно Ниневии? Прочтение обозначения, с использованием которого описана локализация Ниневии, небесспорно: если К.-Т. Цауциг транслитерирует его как *ʾšr* и, соответственно, переводит прямо «ассирийцы» (Zauzich, 1983, S. 24; ср. с хоронимом, который мы видели в соположении с термином в птолемеевских декретах *Hr*), то Х.-Я. Тиссен считает, что палеографически ему лучше соответствует транслитерация *ʾmʾr* (Thissen, 1998, p. 1045: «амориты»). Вместе с тем интерпретация обозначения *Nnywʾ* как «Ниневия» не только не вызывает возражений, но и подтверждается еще одним демотическим фрагментом (Thissen, 1998, *ibid.*, со ссылкой на Hoffmann, 1995, S. 34), при том что этот город и его округа, кажется, не ассоциируются с аморейским расселением II тыс., а невозможность их локализации в Сирии (по полной аналогии с термином *ʾšr* в птолемеевских декретах) не требует обоснования. Напротив, вполне осмысленно выглядит упоминание Ниневии и именно ассирийцев в контексте эпохи Бокхориса: мы уже говорили о соприкосновении уже в его время Египта и Ассирии – исторически первой межрегиональной азиатской державы, грозившей Египту. Вместе с тем это основание и даже преемственность от Ассирии Ахеменидов, постулируемая как некоторыми изводами их собственной идеологии, так и греческими представлениями (Ладынин, 2005), едва ли достаточны для привязки главного удара по ахеменидским врагам Египта именно к Ниневии. На наш взгляд, стоит вспомнить о том, что именно область, известная в эллинистическое время как Адиабена и соответствующая исторической метрополии

³ В отличие от них Сематауитефнахт (см. выше) имел случай оказаться собственно в иранской метрополии державы Ахеменидов, видимо, благодаря особому значению своей корпорации корпорации «*yabov Soxmet*», т.е., собственно говоря, профессиональных врачей-врачевателей.

Ассирии (HAAW. S. 118; *cf.* S. 46-47), стала ареной сражения при Гавгамелах (или Арбелах; ср. с обозначением ее части «Арбелитида»: RE III. Kol. 408), определившего судьбу державы Ахеменидов: именно эта победа стала основанием для уже официального принятия Александром Великим титула «царь Азии», т.е. провозглашения смены державы Ахеменидов созданной им, тоже всеазиатской, государственностью (Fredricksmeyer, 2000, p. 137, 142-143; Ладынин, 2005, с. 154-155). Таким образом, очень похоже, что предсказания ягненка в нашем тексте «стягиваются» к эпохе македонского завоевания Востока и что именно Александр представлен в нем как царь-спаситель, который прекратит бедствия Египта, связанные с иноземцами.

Вместе с тем нельзя не признать, что до сих пор в пользу этого тезиса аргументы мы выдвинули лишь косвенные аргументы. Возможно, прямым аргументом, ключевым для нашей интерпретации, станет одна из фраз «Пророчества ягненка», которая может быть понята однозначно на основе хорошо известной иконографической традиции; мы имеем в виду фразу: «Это будет, когда я стану уреем на челе фараона...». Очевидна связь этой фразы с мотивом, зафиксированным Плутархом непосредственно в связи с Бокхорису – о том, как Исида послала ему змею, ставшую его уреем и не позволявшую ему вершить дела вопреки справедливости: сам этот мотив симптоматичен как раз в свете египетской идеологии IV в. до н.э., когда в ней, судя по некоторым признакам, укрепляется представление о присутствии в легитимном благочестивом царе божества. Что касается собственно фразы ягненка о намерении «стать уреем на челе фараона», напомним, что он, судя по урею и двуперому венцу, приписанному ему Псевдо-Плутархом, воплощал Амона-Ра. Традицию изображения правителя с атрибутами Амона-Ра, связанными с обликом барана, не приходится искать долго: вне сомнения, это та традиция изображения Александра с рогами Зевса-Аммона (т.е. Амона-Ра в его перенесении в греческую религию), которая сложилась на заре эллинистического времени, еще при его жизни⁴.

Подобное предположение, которое кажется нам достаточно обоснованным, в сочетании с некоторыми другими признаками, может привести к существенным выводам по поводу точной датировки «Пророчестве ягненка». Достаточно очевидно, что для включения в этот пропагандистский текст иконография Александра с «рогами Аммона» должна была быть растиражирована очень основательно – настолько, чтобы аллюзия на нее была понятна не только грекам и македонянам, но и египтянам. В качестве средства для этого, наиболее массового по своему воздействию и оказывающего его на обе эти достаточно изолированные одна от другой этнокультурные группы, сам собой приходит на ум монетный чекан. Монетный тип с изображением головы Александра, покрытой шкурой слона с хоботом и бивнями, завязанной двумя змеями на шее эгидой и с «рогами Аммона», выступающими надо лбом, был введен сатрапом Египта Птолемеем – будущим Птолемеем I - уже на рубеже 320-310-х гг. до н.э. (Mørkholm, 1991, p. 63 and fig. 90): этот

⁴ См. сообщение Эфиппа об обычае публичных появлений Александра по торжественным случаям с атрибутами своего божественного отца: FGrH. 126. F.5.= Athen. XII. 537e.

тип отличается от типа изображения Александра с «рогами Аммона» на висках, ставшего в итоге классическим (впервые он сложился в монетах Лисимаха, появившихся ок. 297 г. до н.э.: Mørkholm, 1991, p. 27 and 81, fig. 178-179, 181-182), и, пожалуй, вызывает больше ассоциаций именно с уреем. Далее, развивая тему датировки этого текста, можно сказать, что упоминание битвы при Гавгамелах на уровне аллюзии, адресованной при этом именно египтянам, а не грекам и македонянам, конечно, зная биографию Александра лучше, было возможно, пожалуй, лишь спустя сравнительно немного времени после Восточного похода. При этом, хотя военно-политическим итогом деятельности Александра в «Пророчестве ягненка» представлено фиктивное установление в его лице египетской гегемонии, она распространяется не на весь мир, как в идеологических конструктах его времени (Ладынин, 2008), а только на Восточное Средиземноморье. На наш взгляд, это показывает, что этот текст возник, когда мировая держава Аргеадов уже перестала быть политической реальностью и на территории Египта уступила место эллинистической государственности Египта с достаточно ограниченными внешними амбициями, в которых ключевое место занимало именно Восточное Средиземноморье: как на политическом, так и на концептуальном уровне эти перемены совершились в ходе третьей войны диадохов, к кон. 310-х гг. до н.э. (Ладынин, 2000, с. 196-199). Наконец, упоминание пресловутого обретения в Азии «наосов богов» соотносится с мотивом возвращения захваченных персами статуй богов и храмовой утвари Птолемеями (Ладынин, 2002), который обозначается впервые тогда же, в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. (Urk. II. 14.9-11). По всем этим основаниям нам кажется возможным отнести возникновение «Пророчества ягненка» к этапу генезиса птолемеевской государственности в 310-300-е гг. до н.э. либо немногим позднее; в таком случае, вопреки мнению Х.-Я. Тиссена, пресловутые аллюзии II в. до н.э. в этом тексте нужно действительно считать вторичными напластованиями.

Таким образом, наш главный вывод сводится к тому, что благоприятный исход бедствий Египта в конце третьего цикла его истории связывается в «Пророчестве ягненка» с установлением власти Александра Великого и македонской династии⁵: Александр, направляемый в своих делах «уреем на челе» его, оказывается царем, прекратившим бедствия Египта в рамках этого исторического цикла, которые, похоже, как бы «стягиваются» к кануну его времени – второму персидскому владычеству (если наши предположения о наличии в «Пророчестве...» системы аллюзий именно на этот период верны, то его описание практически замещает память об остальных эпохах чужеземного

⁵ Строго говоря, предсказание ягненка, что он станет «уреем на челе фараона» дано в ответ на вопрос о времени не избавления Египта от бедствий, а их наступления. Традиция изображения Александра с рогами Зевса-Аммона маркирует представление о его рождении от этого божества; учитывая, что он родился в 356 г. до н.э. (а фараоном теоретически мог считаться с самого момента утраты власти Нектанебом II и/или смерти в 343-341 гг. до н.э.; ср. с ретроактивным исчислением царствования Камбиса II с 530 г. до н.э.: Дандамаев, 1985, с. 59), его появление в мире в качестве будущего царя-спасителя Египта, действительно, предшествует (либо оказывается синхронно) бедствиям этой страны при втором персидском владычестве. Можно также заметить, что впервые Александр проявил себя как непобедимый властитель действительно в разгар погрома Артаксеркса III в Египте, в 340 г. до н.э., когда, замещая Филиппа II во время его похода на Перинф, он разгромил племя медов в верховьях Стримона и превратил их столицу в первый город его имени – Александрополь (Шахермайр, 1984, с. 57); впрочем, невозможно сказать, могли ли создатели «Пророчества ягненка» доискаться до таких деталей.

владычества в I тыс. до н.э.; ср. с подобным же стяжением в «Пророчестве Неферти» бедствий всего I Переходного периода к кануну воцарения Аменемхета I). Соответственно, понятным становится и обозначение враждебной Египту силы не во множественном, а в единственном числе как «мидийца», который в конце концов «удалится в чужеземные страны»: очевидно, речь идет непосредственно об Артаксерксе III, основательно демонизированном и в египетской, и в грекоязычной традиции о втором персидском владычестве (Schwartz, 1949, p. 69-70).

Последний и существенный момент, который остался нами не разобран, - это пресловутый 900-летний срок, по истечении которого в Египет должен придти избавитель в лице Александра. Очевидно, «Пророчество ягненка» вносит здесь некоторое искажение, и правильная его продолжительность – это все же 990 лет, упоминаемые Манефоном в контексте царствования Бокхориса (так сказать, с «нумерологической» точки зрения – удевятеренная продолжительность идеального для египтян 110-летнего срока человеческой жизни). По-видимому, этот срок соответствует длине третьего цикла египетской истории, начавшегося еще до времени Бокхориса (в логике позднеегипетской исторической схемы его «точкой отсчета» должны были стать события, представленные у Манефона в сюжете о царе Аменофисе и владычестве в Египте чужеземцев и прокаженных; см. выше, начало статьи). Кроме того, похоже, что этот срок вообще соответствует приблизительной продолжительности циклов египетской истории в представлениях самих египтян, не слишком расходившимся с реальностью: так, в Туринском царском списке суммирование лет царствований династий III тыс. до н.э., от Менеса и до конца «дома Тети», т.е. непосредственно до катастрофы I Переходного периода, составило 955 лет, 9 месяцев и 15 дней (pTurin 1874 *verso*. IV.16-17; Beckerath, 1997, S. 209).

СОКРАЩЕНИЯ

AEO Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxf., 1947.

FGrH Die Fragmente der griechischer Historiker. Hrsg. von F. Jacoby. B., 1923-1958.

GRBS Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.

НААВ Wittke A.-M., Olshausen E., Szydlak R. Historische Atlas der antiken Welt. Stuttgart, 2007 (Der Neue Pauly Supplement, 3).

LÄGG Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen. Hrsg. von Chr. Leitz. Leuven – Paris – Dudley, Ma., 2002. I-VII (Orientalia lovanensia analecta, 110-116).

Manetho, ed. W.G. Waddell Manetho. Ed. W.G. Waddell. Cambr. (Mass.); L., 1980 (Loeb Classical Library, 350).

OGIS Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. Vol. I-II. Leipzig, 1903-1905.

- pBibl. Nat. 215 dem. *recto* Spiegelberg W. Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig, 1914 (Demotische Studien, 7) («Демотическая хроника»).
- pHerm. 1116B Golénischeff W. S. Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et B de l'Ermitage imperial a St. Petersburg. SPb., 1913 («Пророчество Неферти»).
- pLeid. I.344 *recto* Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Leipzig, 1909 («Речение Ипувера»).
- pTurin 1874 *verso* Gardiner A.H. The Royal Canon of Turin. Oxf., 1959 («Туринский царский список»).
- RE Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
- Sin. Blackman A.M. Middle-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 1-41 («Рассказ Синухета»).
- Urk. II Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904-1916.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлев О.Д. (1999) Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык – культура – сознание. По материалам египтологической конференции 12-13 марта 1998 г. М., 1999.
- Дандамаев М.А. (1985) Политическая история Ахеменидской державы. М.
- Демидчик А.Е. (2005) Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.
- Коростовцев М.А. (1964) Египетское происхождение романа об Александре // КСИНА. 1964. Вып. 65.
- Ладынин И.А. (2000) К датировке «Стелы Сатрапа» и интерпретации ее исторической части (Urk. II. 12.12-15.16) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань.
- Ладынин И.А. (2002) Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // Μνήμη: Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань.
- Ладынин И.А. (2003) «Начальник *уабов* Сохмет» Сематауитефнахт – «коллорабионист» или «жертва депортации»? (резюме доклада на XIII Сергеевских чтениях) // Восток (Oriens). 2003. № 5.
- Ладынин И.А. (2005) Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб., 2005.
- Ладынин И.А. (2008) “Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος” (Ps.Call. C. II. 27. 3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в

- современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб.
- Ладынин И.А. (2008a) Циклы египетской истории и три тома труда Манефона // Международная научно-практическая конференция «Культурные традиции Египта и Востока: от древности к глобализации». Арабская республика Египет, Каир – Асуан – Луксор, 28 октября – 3 ноября 2008 г. М.
- Ладынин И.А. (2009) Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007-2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. СПб. (Труды Государственного Эрмитажа, 45).
- Ладынин И.А., Немировский А.А. (2001) Рец. на: Beckerath J. von. Chronologie der pharaonischen Ägypten. München; B., 1998 // ВДИ. № 2.
- Струве В.В. (2003) Манефон и его время. СПб.
- Тураев Б.А. (1935) История древнего Востока. Т. I-II. М.-Л.
- Шахермайр Ф. (1984) Александр Македонский. М.
- Berg B. (1973) An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. Vol. 14.
- Beckerath J. von (1997) Chronologie der pharaonischen Ägypten. Mainz (Münchener Ägyptologische Studien, 46).
- Felber H. (2002) Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. Hrsg. A. Blasius und B.U. Schipper. Leuven (Orientalia lovanensia analecta, 107).
- Fredricksmeier E. (2000) Alexander the Great and the Kingship of Asia // Alexander the Great in Fact and Fiction. Ed. A.B. Bosworth, E.J. Baynham. Oxf.; N.Y.
- Hoffmann F. (1995) Ägypter und Amazonen: Neubearbeitung zweier demotischer Papyri P. Vindob. D 6165 und P. Vindob. D 6165A. Wien (Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek, 24).
- Janssen J.M.A. (1954) Ver Pharao Bocchoris // Varia Historica: Festschrift A.W. Byvanck. Assen.
- Kerkeslager A. (1998) The Apology of Potter: A Translation of the Potter's Oracle // Jerusalem Studies in Egyptology. Ed. I. Shirun-Grumach. Wiesbaden (Ägypten und Alten Testament, 40).
- Kitchen K. A. (1986) The Third Intermediate Period in Egypt (1100-650 B. C.). Warminster.
- Koenen L. (1968) Prophezeiung des Töpfers // ZPE. Bd. 2.
- Koenen L. (2002) Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. Hrsg. A. Blasius und B.U. Schipper. Leuven (Orientalia lovanensia analecta, 107).
- Krall J. (1898) Vom König Bokchoris. Nach einem demotischen Papyrus der Sammlung Erzherzog Rainer // Festgaben zu Ehren M. Büdinger. Innsbruck.
- Moret A. (1903) De Bocchori rege. P.

- Mørkholm O. (1991) *Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336-188 B. C.)*. Cambridge.
- Murray O. (1970) *Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA*. Vol. 56.
- Pfeiffer, St. (2004) *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.)*. Kommentar und historische Auswertung. München; Leipzig (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Beiheft 18).
- Gauthier H., Sottas H. (1925) *Un decret trilingue en l'honneur de Ptolémée IVème*. Le Caire.
- Schwartz J. (1949) *Les conquerants perses et la littérature égyptienne // BIFAO*. T. 48.
- Thissen H.-J. (1998) "Apocalypse now!" Anmerkungen zum Lamm des Bokchoris // *Egyptian Religion in the Last Thousand Years. P. II: Studies Dedicated to the Memory of J. Quaegebeur*. Ed. W. Clarysse et al. Leuven (Orientalia lovanensia analecta, 107).
- Thissen H.-J. (2003) *Das Lamm des Bokchoris // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten*. Hrsg. A. Blasius und B.U. Schipper. Leuven (Orientalia lovanensia analecta, 107).
- Zauzich K.-Th. (1983) *Das Lamm des Bokchoris // Papyrus Erzherzog Rainer (P. Rainer Cent.): Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*. Wien.